

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

МЕЛОДИЯ УБИЙСТВА

МОСКВА

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-ГО**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

МЕЛОДИЯ УБИЙСТВА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке Алексея Дурасова

Шарапов, Валерий.

Ш25 Мелодия убийства / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215089-0

Начало пятидесятых годов. В санатории под Кисловодском во время выступления прямо на сцене умирает незрячий саксофонист Прохор Глухов. Находящийся здесь же на отдыхе начальник оперативного отдела из Пскова майор Павел Зверев подозревает, что это убийство. Он берет на себя руководство местными сыскарями и начинает расследование. Выяснилось, что причиной смерти Глухова стал смазанный ядом мундштук саксофона. Майор изучает биографию Прохора: тяжелое детство, война, участие в подполье... Ничего подозрительного. Кому же понадобилось убивать слепого музыканта? Новое преступление, произошедшее вскоре, запутало ситуацию еще больше...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2025
© Оформление.

ISBN 978-5-04-215089-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Подножие горы Машук, КМВ,
Ставропольский край, декабрь 1942...*

Подмерзшая дорога вела к подножию горного массива, тающего в пепельно-серых облаках. По обеим сторонам от усыпанной щебнем грунтовки не росли, а буквально торчали из блестящего снега чуть заледеневшие деревья и бесформенные коряги, напоминавшие уродливых мифических чудовищ. На одной из таких коряг устроился довольно крупный, хотя и совсем еще молодой орел-могильник и с присущим его сородичам величием осматривал окрестность.

Когда из-за поворота раздался гул, орел встрепенулся, прислушался, после чего взмахнул своими огромными крыльями и воспарил к вершине. Гул усилился, и вскоре из тумана показались два мотоцикла с установленными на них пулеметами, крытый внедорожник «Кюбельваген» и забрызганный грязью тентованный грузовик с «балочными крестами» по

бокам. Колонна двигалась медленно, ползла по промерзшему грунту, точно змея. Орел тоже не спешил, но, сделав пару кругов над лесом, как-то внезапно исчез, скрывшись в облаках, а тем временем из дымки вырвалось пронзительное и режущее ухо воронье карканье.

Когда колонна подъехала к развилке и остановилась у оврага, из грузовика тут же стали выпрыгивать солдаты в шинелях цвета хаки и зеленовато-бурых беретах с эмблемами румынских горных стрелков. Высокий пожилой капрал с густыми усами и крючковатым носом, размахивая руками, отдал приказ на румынском; солдаты — их было семеро — выстроились в шеренгу и взяли равнение на двух вышедших из внедорожника немецких офицеров.

Старший — седовласый майор с тонкими усиками и пристальным немигающим взглядом — придирчиво осмотрел румынских стрелков, недовольно поморщился, но, видимо, не желая лишний раз утруждать себя гневными криками и поучать подчиненное ему подразделение союзников, с надменным видом промолчал. Вместо этого майор, словно забыв про вытянувшихся в струнку солдат, небрежно посмотрел на небо и сквозь зубы тихо процедил:

— Стервятники собираются на пир!

Второй офицер — совсем еще молодой обер-лейтенант вермахта — с узким бледным лицом и белесыми глазами вздрогнул и тут же, нахмурившись, уточнил:

— Простите, герр майор, что вы имеете в виду?

Майор, который, еще сидя в кабине машины, успел рассмотреть парящего в небе орла, прежде чем тот скрылся в туманной дымке, все так же тихо продолжил:

— Я говорю, что стервятники чувствуют поживу! Скоро они ее обязательно получают! Да-да... они получают свежее мясо, и, к нашему счастью, в качестве угощения для всех окрестных пернатых хищников сегодня выступим не мы. Сегодня не мы... — майор сделал ударение на последнем слове, — а вот завтра... — Он снял фуражку, вытер вспотевший лоб платком и снова нацепил головной убор на место. — Завтра все может измениться...

— Вы имеете в виду то, что русские наступают? — уточнил обер-лейтенант.

— Я имею в виду то, что в ближайшие несколько дней русские войдут в город, а к концу года, возможно... и вовсе вышвырнут нас с Кавказа, а что будет потом... Что будет потом, страшно даже предположить. — Майор скривил губы и тяжело вздохнул.

Обер-лейтенант, покашляв в кулак, решил не углубляться в неприятную тему и постарался сменить ее:

— Прикажете начинать?

— Начинайте! Пора кончать с этим вопросом, у нас осталось не так уж и много времени!

Обер-лейтенант что-то крикнул румынскому капралу на немецком языке. Тот перевел команду на родной язык, и четверо стоящих возле грузовика солдат запрыгнули в кузов и выволокли оттуда трех окровавленных и обессиленных мужчин и худощавую девушку в разодранном платье. Пленных оттащили к оврагу и выстроили в ряд. Несчастные еле стояли на ногах и дрожали от холода.

Самому старшему из приговоренных было не больше тридцати. Он был высок, бледен, его глаза горели праведным гневом. Второй, с разбитым до крови лицом, был немного моложе и тоже не выглядел испуганным. Третий, почти мальчишка, белобрысый и конопатый, казался безучастным и то и дело моргал глазами. Девушка стояла, расправив плечи, гневно взирала на своих палачей и напевала себе под нос какую-то песню. Румынские вояки отошли в сторону. Седовласый майор пересчитал по пальцам стрелков, назначенных в качестве расстрельной команды, и снова нахмурил брови:

МЕЛОДИЯ УБИЙСТВА

— Один, два, три, четыре, пять... Черт возьми! О чем вы только думали? Ральф!!! — рывкнул на обер-лейтенанта майор, тот встрепенулся.

— Что не так?

— Их только семеро, а значит, нужен еще один! Я хочу, чтобы этих красных свиней расстреливали как минимум восемь человек. На каждого по две пули. Пусть этот румынский капрал встанет в строй и возьмет винтовку!

Обер-лейтенант улыбнулся:

— Кто же тогда даст команду «Огонь!»?

Майор тихо выругался.

— Ты, Ральф! Кто же еще?

Обер-лейтенант изменился в лице, сглотнул и нервно закусил губу.

— Может, лучше мы поручим это кому-нибудь из наших?

Он кивнул в сторону четырех сидевших на мотоциклах немецких солдат. Те, стоявшие по разным сторонам от них и державшие руки на установленных в колясках мотоциклов пулеметах, внимательно следили за тем, что творится вокруг, явно нервничали и не проронили до сих пор ни слова. Подул ветерок, где-то вдалеке раздалась канонада.

— Ты с ума сошел, Ральф! Наши солдаты сейчас должны заниматься своим делом, то есть прикрывать нас. В этих местах полно гор-

ных троп, которые местные партизаны знают как свои пять пальцев! А друзья этих подпольщиков, — майор указал на стоявших вдоль оврага пленников, — наверняка не откажутся от возможности освободить своих и пустить нам кровь, если мы не проявим бдительность. Не будь таким чистоплюем, Ральф, или ты не желаешь посчитаться с этим отребьем за едва не взорванный ими мост?

Обер-лейтенант потупился и процедил сквозь зубы:

— Я солдат, и я не хотел бы участвовать в расстреле, тем более что среди них есть женщина!

Майор сжал зубы и процедил:

— Слюнтяй!!! Вот из-за таких, как ты, мы и остановились под Москвой! Застряли под Сталинградом и теперь еще терпим поражение и здесь, на Кавказе! Я всегда был добр к тебе, так как мы были дружны с твоим отцом! Но теперь я не стану миндальничать. Немедленно займи место капрала и отдай приказ...

— Простите, герр майор! Позвольте мне заняться этим большевистским отребьем. — За спиной майора послышалась русская речь, обер-лейтенант и майор обернулись.

Пока шел спор, из легковушки вышел стгорбленный седовласый старик, облачен-

ный в стеганый, местами рваный ватник и шапку-кубанку. Он стоял, чуть согнувшись, и злобно косился на выстроенных возле оврага пленников. Бледное морщинистое лицо, широкие скулы, острый орлиный нос. Он тяжело дышал, руки старика подрагивали.

— Что хочет этот русский? — не без раздражения спросил майор на немецком языке.

Мужчина в кубанке просеменил в сторону обер-лейтенанта и что-то шепнул ему на ухо.

— Я долго буду ждать? Что хочет этот русский? Как там его? Я забыл его имя, — процедил майор сквозь зубы. — Зачем ты вообще приволок его сюда, Ральф?

— Его зовут Демьян Мёдник! Как вы знаете, именно благодаря ему мы смогли предотвратить диверсию на оружейных складах. Медник ненавидит коммунистов и изначально попросил не лишать его удовольствия лицезреть, как эти красные будут умирать. Более того, Медник готов принять участие в казни этих подпольщиков и просит разрешить ему занять место в строю. А еще он просит принять его на службу. — Обер-лейтенант улыбнулся: — Видя его рвение, я уже обещал ему, что похлопочу за него перед вами.

Майор скривил лицо.

— Ты что, сошел с ума, мой мальчик. Он же дряхлый старик, какой от него прок?

Посмотри, у него же даже руки трясутся. Что он вообще может?

Мужчина в кубанке снял шапку, снова пригнулся и что-то прошептал на ухо молодому офицеру. Тот покачал головой и вернулся к майору.

— Этот человек говорит, что готов самостоятельно привести в исполнение приговор и расстрелять всех этих коммуняк.

— То есть лично прикончить каждого из этих четверых? — Майор впервые улыбнулся. — А ты начинаешь мне нравиться, Медник! Вот видишь, Ральф, он не такой чистюля, как ты, у него храброе сердце. Тебе бы следовало этому у него поучиться. Тем не менее я уверен, что он не справится.

Обер-лейтенант возразил:

— Он говорит, что для того, чтобы провести казнь, ему нужна винтовка и всего четыре патрона...

— Что? По одному патрону на каждого приговоренного? Забавно! Сомневаюсь, что он хороший стрелок.

— Медник — местный лесник, так что стрелять он наверняка умеет! Кроме того, расстояние-то здесь не такое уж и большое.

— Да, это так! Попасть в этих русских ему будет несложно, но одно дело попасть, а другое дело убить наповал с одного выстрела.

Люди, и особенно эти русские, существа живучие, для того чтобы убить таких, как они, с одного выстрела, нужно особое умение. Уверен, что этот Медник обычный хвастун.

Обер-лейтенант улыбнулся:

— Я полагаю, герр майор, что он справится.

Майор внезапно оживился.

— Что ж, раз ты так в нем уверен, я предлагаю пари. Если после того как этот Медник выстрелит четыре раза, хоть кто-то из приговоренных останется жив, добивать всех выживших будешь лично ты, Ральф! Медник же, если не сдержит слово, пусть убирается ко всем чертям, невзирая на все его заслуги.

Обер-лейтенант побледнел:

— Простите, но я ведь уже сказал...

— Хватит! Будет все, как я сказал, и пусть это послужит тебе уроком, Ральф. Немедленно дайте этому русскому винтовку и четыре патрона.

Спустя пару минут Медник занял нужное место, дослал первый патрон в патронник и вскинул ружье. Первым оказался старший. Когда хлопнул выстрел, он дернулся и осел на землю. Второй приговоренный, перед тем как упасть, сплюнул, чиркнул ногтем себе по горлу и крикнул:

— Ты за это ответишь, иуда! За нас отомстят, старик, можешь в этом не...

Парень не договорил и тоже упал мгновенно, после этого его место занял третий. Бело-брысый паренек, совсем еще мальчишка, непрерывно дрожал, но и его покрытое потом лицо казалось суровым и безучастным. Когда парнишка увидел наставленный на него карабин, он вдруг собрался, расправил плечи и почти сразу же тоже рухнул на землю. Грянул выстрел.

Девушка, видя, что осталась одна, перестала шептать. Она тоже расправила плечи, сорвала с шеи платок и звонким, хоть и слегка дрожащим голосом стала в голос петь «Священную войну». Медник презрительно фыркнул, лязгнув затвором, и после фразы о «проклятой орде» возле оврага лежали уже все четверо приговоренных. Медник снова передернул затвор и вернул винтовку одному из румынских стрелков.

Когда дело было сделано, обер-лейтенант, всякий раз вздрагивающий от звука выстрела, облегченно вздохнул. Его явно порадовало то, что ему не самому придется добивать осужденных. Майор же был все так же спокоен, хотя искорки в его глазах говорили о том, что ему в течение всей процедуры было интересно, чем же все-таки закончится этот безжалостный спор. Глядя на лежавшие на снегу тела, майор неспешно раскурил папиросу, по-